

13. Stevens, J. (1986) *Words and Music in the Middle Ages: Song, Narrative, Dance and Drama, 1050–1350*. . Cambridge: Cambridge University Press.
14. Homans, D. (2020) *Istoriya baleta. Angely Apollona* [The history of ballet. The Angels of Apollo]. AST Publishing House.
15. Kuryumova, N.V. (2020) *Sovremennyy tanets v kul'ture 20 veka. Smena modeley telesnosti: uchebnoye posobiye* [Modern dance in the culture of the twentieth century. Changing patterns of physicality: a study guide]. St. Petersburg: Lan Publishing House.
16. Kon, I. (2003) *Muzhskoye telo v istorii kul'tury* [The male body in the history of culture]. Moscow: Slovo Publishing House.
17. Krasnikova, M. (2013) *Balet, pridumanny khudozhnikom* [Ballet, invented by the artist]. [Online] Available from: URL: <https://www.belcanto.ru/13072003.html> (Accessed: 29.04.2026).

УДК 004.8:008

DOI: 10.24412/2070-075X-2026-3-60-71

А.С. Нибусин

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье на основе научных позиций в области юриспруденции, экономики, социологии, философии, антропологии осуществлен культурфилософский анализ правоприменения искусственного интеллекта. Проведено сравнительно-сопоставительное исследование национальных моделей правоприменения искусственного интеллекта. Научная новизна исследования заключается в выявлении культурной составляющей правоприменения искусственного интеллекта в целях оптимизации российского законодательства, репрезентирующего культурные ценности и интересы общества.

Ключевые слова: *правоприменение искусственного интеллекта, законодательство об искусственном интеллекте, культурные ценности и интересы, культурфилософский подход.*

Актуальность темы исследования. Характерной чертой дискуссий на протяжении последнего десятилетия является нацеленность рассматривать вызовы, связанные с развитием искусственного интеллекта (далее – ИИ), как не зависящие от национальных правовых культур, а правовые решения – как подлежащие универсальному применению. Однако процессы цифровизации обуславливают формирование цифрового государства, конструируется цифровая правовая среда, а право видоизменяется по форме и сути [1]. Между тем, расширение применения технологий ИИ в российском правосудии является закономерным процессом с позитивными тенденциями [2]. Переход к инфраструктуре предвосхищающих вычислений требует переосмысления самой сути правового регулирования с учетом новых технологических реалий [3]. В том числе, введение ИИ-технологий в судопроизводство выступает объективной данностью, открывая потенциал развития правосудия в период цифровой трансформации [4]. Одновременно отчетливо формируется потребность в культурфилософском анализе правообъектности ИИ, ответственности за причиненный автономными системами вред, степени автоматизации юридически значимых решений и нормах объяснимости алгоритмов с учетом правовых, экономических, социологических, антропологических и других позиций.

Степень научной разработанности проблемы. В современных исследованиях анализируются области применения и риски технологий ИИ в юридической деятельности (Е.А. Березина, М.П. Бессонов, Н.В. Малявкина, А.А. Васильев, Ю.В. Печатнова, И.Н. Романова, Т.А. Видова); юридические аспекты правообладания гражданами ИИ и результатов его деятельности (Л.Ю. Василевская); правовые основания задействия ИИ в творческих сферах и авторского права (Д.Б. Данилов, И.В. Петров, М.А. Федотов, В.Б. Наумов, Р.А. Будник, П.Г. Шеленговский, А.А. Шпак, М.С. Копцева); регулирование ИИ и его правосубъектности (Д.Г. Алексеева, А.В. Журавлева, Ю.А. Куликова, Д.Л. Кутейников, О.А. Ижаев, С.С. Зенин, В.А. Лебедев, В.Д. Саттаров); философско-этические вопросы соотношения человека и ИИ (Н.Е. Федотов, А.Э. Маякунов, Д.С. Быльева); философская рефлексия динамики ИИ (Д.А. Беляев, Н.А. Кошман, И.В. Погорелова). Следовательно, проблема правоприменения ИИ в социогуманитарном дискурсе является недостаточно проработанной.

Цель, задачи и предмет исследования. Цель статьи – выявление культурной составляющей правоприменения искусственного интеллекта в процессе регуляции ИИ-законодательства с учетом сбалансированности культурных ценностей и интересов всего общества в современных условиях трансформации технологий. Задачи исследования: проанализировать научные подходы с позиций юриспруденции, экономики, философии, антропологии, социологии; рассмотреть национальные модели правоприменения ИИ в США, РФ, КНР, ЕС; определить значимость культурной составляющей в ИИ-законодательстве. Предмет исследования – правоприменение ИИ в контексте социогуманитарного изучения на основе культурфилософского подхода.

Научная новизна исследования состоит в задействовании культурфилософского анализа для выявления культурной составляющей, которая способствует раскрытию прагматических и духовно-нравственных оснований правового обеспечения развития современных форм ИИ. Национальная специфика культурной составляющей правоприменения впервые рассматривается как механизм подготовки и принятия нормативно-правовых актов в области ИИ.

Методология и методы исследования. Методология исследования основана на принципе целостности, реализующемся посредством культурфилософского подхода с задействованием сравнительно-сопоставительного и аксиологического методов.

Источниковая / эмпирическая база исследования включает нормативно-правовые акты в области применения ИИ РФ, США, КНР и ЕС. Осуществлен анализ данных консорциума «Кодекс этики ИИ» (ai-etika.ru), нормативных актов в законодательстве Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ; материалов по эффективности регулирования с ИИ-экспертизой Альянса в сфере ИИ (a-ai.ru); проекта «Судэксперт» с аналитикой применения ИИ Министерства юстиции РФ; сведений Министерства экономического развития РФ по экспериментальным направлениям для ИИ (economy.gov.ru); международных и технических стандартов ISO/IEEE (ISO.org).

Основная часть. Юридическая наука традиционно фокусируется на вопросах правосубъектности, ответственности, распределения рисков и процессуальных гарантиях. Применительно к ИИ центральной дилеммой стал вопрос рассмотрения ИИ-систем как объектов или субъектов права, репрезентированный в трех концепциях правосубъектности ИИ.

Первая концепция индивидуальной правосубъектности предполагает наделение ИИ статусом физического лица. Однако критерий обладания ИИ самосознанием достаточно абстрактен, ИИ-системы не способны к подлинному волеизъявлению, поскольку их решения производны от человеческого воззрения. Признание за ИИ правосубъектности индивидуального лица разрушило бы и основанный на антропоцентрической системе ценностей правопорядок. Экспертами отмечается конструктивность применения ИИ в юрисдикционном процессе как вспомогательного инструмента без подмены полномочий судов по принятию решения [5. С. 376].

Адепты концепции коллективной правосубъектности предлагают наделить ИИ статусом юридического лица, под которым ими понимаются кибернетические электронные организмы, подлежащие государственной регистрации по аналогии с единым государственным реестром юридических лиц без задействования понятий сознание и воля.

В третьей концепции градиентной правосубъектности с комбинированным подходом выделяются два варианта концепции: 1) создание правового статуса «электронных лиц» как субъектов права с наделением ИИ ограниченной правоспособностью; 2) осуществление «электронным агентом» (робот, виртуальная система) гражданских прав с ответственностью человека за его действия [6]. Последний вариант в юридическом регулировании ИИ как объекта права и электронного агента как квазисубъекта права представляется более целесообразным.

Однако юридический анализ не может ограничиваться только вопросом правосубъектности. Для ИИ контекстуальность критериев права недостижима в реализации, однако достаточно важна в правоприменении [3]. Правоприменитель определяет ИИ с опорой на психологические определения, гуманизируя его приписыванием несуществующих способностей [7]. Данный феномен можно назвать юридической антропоморфизацией, когда в судах обсуждается «вина» автопилота или «добросовестность» алгоритма рекомендаций.

На наш взгляд, важно, как культурные ценности и интересы влияют на применение правовых норм в ситуациях с участием ИИ. Достаточно явно проявление культурной составляющей правоприменения ИИ в судопроизводстве, полицейском профилировании и кредитном скоринге. В судопроизводстве США широко используется система, которая оценивает риск рецидива подсудимого и рекомендует судье меру пресечения. Опыт показал, что ни один из подсудимых не смог оспорить решение суда из-за высокого порога доказывания и коммерческой тайны алгоритма [8]. Это отражает укорененную в американской правовой культуре ценность коммерческой свободы и невмешательства в рыночные отношения, вступающая в противоречие с принципом справедливого судебного разбирательства и правом на обжалование. В полицейской деятельности используется алгоритмическое прогнозирование по установке криминогенности для распределения патрулирования районов. Доверие судей и сторон к ИИ-решениям формируется не только через техническую надежность, но и через процедурную справедливость – возможность участвовать, получать объяснения и обжаловать [7]. В банковской сфере кредитный скоринг с использованием ИИ стал стандартом во многих странах, несмотря на различия в требованиях к объяснительности решений. В Европе «Общий регламент по защите данных» теоретически закрепил право на детальное объяснение, требуя от банков предоставлять содержательную информацию о логике обработки данных. В США аналогичные требования также предусматривают «уведомление о неблагоприятном действии» с указанием конкретных причин отказа (минимальный срок работы, долговые обязательства), что не позволяет отразить комплексный характер решений, принимаемых сложными алгоритмами [8].

Культура как контекст законодательства в области ИИ проявляется в национальных различиях ответов правовых систем на вызовы. Европейская модель базируется на ценностях человеческого достоинства, автономии личности и недискриминации с такими критериями, как законность (ИИ функционирует в соответствии с законом), этичность (соблюдение этических принципов) и надежность (техническая исправность и минимизация рисков) [9]. В программах закрепляется запрет на полностью автоматизированные значимые решения, право на объяснение и обязательное человеческое вмешательство. Культурные характеристики данной модели содержатся в континентальной правовой традиции, где закон, а не судебское усмотрение, является главным источником права, а также в послевоенном опыте автократии, породившей чувствительность к алгоритмической дискриминации.

Китайская модель ориентирована на экономический рост, международную конкурентоспособность и социальное управление. Декларируемые этические принципы провозглашают «общее благополучие человечества», но в реальности акцент смещен в сторону социальной стабильности, коллективной ответственности и государственного контроля [10]. Культурным контекстом выступают конфуцианские ценности гармонии, иерархии и подчинения личного интереса общественному, что отражается в развитии системы социального кредита, в котором ИИ используется для мониторинга поведения граждан и поощрения «добродетельного» поведения. ИИ-законодательство не культивирует защиту индивидуальной приватности, скорее создает правовые механизмы для поддержки инноваций и укрепления суверенитета.

Американская модель с отсутствием единого закона об ИИ отличается прагматизмом и опорой на рыночные механизмы. Регулирование фрагментировано по отраслям: для кредитных рейтингов, кредитования и медицинских данных. Суды, а не административные органы, играют определяющую роль в установлении стандартов. При этом действует доктрина коммерческой тайны, что часто блокирует доступ к алгоритмам. Культурным основанием здесь выступает либертарианский индивидуализм и недоверие к государственному патернализму. Однако в последние годы при усилении критики принимаются законы об алгоритмической подотчетности на уровне отдельных штатов.

Для российской правовой культуры больше свойственен континентально-европейский формат, но с детерминированностью государственным патернализмом. Утвержденная Указом Президента РФ № 490 «Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года» ставит задачу создания комплексной системы регулирования. Российское законодательство идет по пути экспериментальных правовых режимов, а также точечных норм. Это объясняется как стремлением не отстать от мировых лидеров, так и культурной традицией сильной государственной власти, которая объективно осмотрительна в делегировании правосубъектности нечеловеческим сущностям.

Экономический подход к правовому регулированию ИИ фокусируется на стимулах, транзакционных издержках и распределении рисков. В правоприменении ИИ часто возникает аксиологическая коллизия между ценностью эффективности и приоритетом прав человека, конфликт, порождающий высокие издержки оспаривания автоматизированных решений [10]. Экономический анализ позволяет оценить, какая модель ответственности (строгая ответственность производителя, ответственность владельца, страхование, совместная ответственность) обеспечивает наилучшее сочетание эффективности и справедливости. Оптимальный уровень строгости ответственности должен зависеть от степени автономии ИИ и от возможности страхования, а также от культурно-экономических приоритетов (европейская ориентация на защиту прав потребителя *versus* американская ориентация на инновации). При использовании ИИ в правоприменении внешние эффекты (издержки и выгода) могут выражаться в дискриминации, манипуляции поведением, снижении конкуренции, нарушении приватности, что требует государственного вмешательства.

Выбор в деликтном праве между моделями ответственности за вину и строгой ответственности применительно к ИИ зависит от степени автономии и предсказуемости системы, а также от распределения рисков между производителем, владельцем и пользователем. Для слабого ИИ, выполняющего ограниченный набор задач (система кредитного скоринга), возможно применение ответственности за вину. Однако, в случае доказательств истца о нарушении разработчиком или оператором стандарта разумной заботы (использование заведомо некачественных данных, отсутствие тестирования, человеческого контроля), на практике все сводится к коммерческой тайне и сложности алгоритмов, что повышает транзакционные издержки. Для сильного ИИ, способного к самообучению (беспилотный автомобиль, автономный хирургический робот), доказательство вины становится затруднительным или невозможным. Строгая ответственность

производителя или оператора создает стимулы к инвестированию в безопасность и мониторинг, но может привести к чрезмерному сдерживанию инноваций. Компромиссным решением является установление пределов ответственности в сочетании с обязательным страхованием [11].

Культурные особенности здесь проявляются достаточно отчетливо. Европейский подход предполагает создание единой системы ответственности для высокорисковых ИИ-систем, включая обязательное страхование и фонды компенсации. Американский подход ориентируется на конкуренцию страховых продуктов и свободу договора, допуская более высокую степень риска для потребителей. Российский подход находится в стадии закрепления в рамках экспериментальных правовых режимов возможности введения института страхования ответственности за причиненный ИИ вред.

Следовательно, оптимальная модель не может быть по всем параметрам универсальной, каждая страна будет формировать ее в соответствии со своими культурно-экономическими ценностями и интересами, и задача по оптимизации на международном уровне заключается в выработке общих принципов.

Ценностные характеристики проявляются в степени государственного участия: в Европе обязательное страхование ИИ-рисков рассматривается как элемент социальной защиты с введением в законодательство; в США доминирует добровольное страхование; в Китае страхование интегрируется государственной системой лицензирования ИИ-систем. В отсутствие регуляторного механизма возникает устойчивое равновесие с низкой прозрачностью, что оправдывает государственное участие в виде обязательных стандартов аудита для высокорисковых приложений (кредитование, уголовное правосудие, медицинская диагностика, отбор персонала). Для низкорисковых приложений (рекомендательные системы, развлекательные алгоритмы) можно сохранить свободу инноваций. Мы считаем, что предельный уровень «высокорисковости» варьируется в зависимости от культурных паттернов общества: в Европе он ниже (больше систем подпадают под регулирование), в США – выше (больше доверия к рынку), в России, вероятно, можно ориентироваться на европейский подход с учетом правозащитной традиции и конституционных гарантий.

Культурная составляющая экономического анализа проявляется и в том, как законодательство определяет «высокорисковые» системы. В Европе перечень данных ИИ-систем включает биометрическую идентификацию, управление критической инфраструктурой, доступ к образованию и профессиональному обучению, трудоустройство, доступ к услугам, необходимым для жизни (кредитование, медицинское страхование). В США такого единого перечня нет; риски оцениваются судами в каждом конкретном случае. В России отсутствует четкое разграничение, но в рамках национального проекта «Экономика данных» предполагается создание реестра доверенных ИИ-систем, что может стать основой для дифференцированного регулирования. Разная степень чувствительности к алгоритмическим рискам онтологически отражает культурные ценности и интересы: европейская правовая культура с ее историей защиты от авторитаризма требует более высокого уровня предосторожности, чем американская, где доминирует вера в фильтрацию рынком опасных и несправедливых технологий.

С позиций *социологического подхода* предлагается концептуальный аппарат для анализа встроенности ИИ в правовые практики, его использования в перераспределении власти, конструировании социальной реальности и влиянии на легитимность правоприменительных институтов. Акторно-сетевая теория Б. Латура рассматривает ИИ-систему как актанта – участника сети, который влияет на логику взаимодействия, даже не обладая сознанием. В правовом контексте это означает, что алгоритм профилирования или система поддержки судебных решений активно конфигурируют возможности сторон, в частности, скрывают информацию, создают когнитивные якоря,

делают неудобным оспаривание. Правовые культуры по-разному распределяют агентность между человеком и машиной: в Европе настаивают на обязательном человеческом контроле, в Китае доверяют автоматизации в рамках государственного управления, в США агентность распределяется через рыночные механизмы с возможностью судебного оспаривания дискриминационных последствий.

Исследования алгоритмического воображения (Ф. Паскуале, Дж. Тан) фокусируются на восприятии людей и оспаривании автоматизированных решений. Эмпирические исследования показывают, что граждане чаще доверяют решениям с участием человека – у данной установки культурная природа, поскольку она сильнее выражена в правовых культурах с развитой традицией судебного усмотрения (США, Великобритания) и слабее – в культурах с традицией формального правоприменения (континентальная Европа, Россия, Китай). Мы согласны с утверждением, что применение ИИ не должно исключать человеческое участие в процессе правосудия [4].

Социальное конструирование технологий акцентирует интерпретативную гибкость артефактов: один и тот же алгоритм получает разные значения в зависимости от социальной группы. Например, система социального кредита в Китае интерпретируется государством как инструмент повышения доверия, населением – как удобный сервис, западными наблюдателями – как механизм тотального контроля. Законодательство не только реагирует на объективные риски, но участвует в их конструировании, стабилизируя одну из возможных интерпретаций.

Важным социологическим феноменом, значимым для правоприменения ИИ, является «алгоритмический фатализм». Доверие судей и сторон к ИИ-решениям формируется не только через техническую надежность, но и через процедурную справедливость [7]. В продолжение данной позиции подчеркивается, что в судебном правоприменении ИИ следует задействовать в отдельных ситуациях с целью большей результативности процедур [5]. Уровень доверия к государственным институтам напрямую коррелирует с распространенностью феномена скептической убежденности: там, где граждане привыкли полагаться на решения властей, они чаще склонны не оспаривать алгоритмические выводы; там, где развита культура судебного оспаривания, алгоритмический фатализм выражен слабее. Алгоритмический фатализм снижает легитимность правоприменительных практик, даже если сами алгоритмы объективно точны, поскольку граждане перестают воспринимать автоматизированные решения как результат, который можно и нужно оспаривать. Поэтому одним из требований к ИИ, дружественному к человеку, в правоприменении становится не только техническая объяснимость, но и формирование каналов обратной связи, убеждающих граждан в объективном рассмотрении их апелляции.

На наш взгляд, культурные особенности интересов и ценностей различных социальных кластеров в правоприменении ИИ также заслуживают отдельного внимания. Анализ позволяет выделить четыре кластера, интересы которых сталкиваются в каждой из описанных правоприменительных ситуаций. Разработчики ИИ заинтересованы в сохранении коммерческой тайны алгоритмов, минимизации собственной ответственности и предсказуемости нормативной среды, лоббируя «регуляторные песочницы» и кодексы этики. Государственные регуляторы (Банк России, Европейская комиссия, Федеральная торговая комиссия США) сочетают защиту прав потребителей, обеспечение финансовой стабильности, недопущение дискриминации и поддержку инноваций – цели, которые не всегда совместимы. Институциональные ограничения (дефицит технических компетенций, бюрократическая инертность) часто стимулируют регуляторов к саморегулированию или делегированию стандартизации отраслевым ассоциациям. Бизнес-пользователи (банки, страховщики) руководствуются экономической эффективностью и противодействуют требованиям полной прозрачности, поскольку раскрытие алгоритма позволило бы клиентам действовать против системы. Именно различия в культурных ценностях

и интересах влияют на принятие ИИ. В странах с высоким доверием к государству (Китай, Россия) граждане лояльнее к автоматизации; в странах с низким доверием и сильной правозащитой (ЕС, США) требуют жесткого контроля.

Философский анализ правоприменения ИИ сосредоточен на онтологической (что значит «быть субъектом права»), эпистемологической (как узнать, обладает ли ИИ сознанием) и этико-правовой (на каких критериях наделять ИИ правами) направленности исследования. Критерии личности, такие как самосознание, рефлексия второго порядка, эмпатия, свобода воли, не дают однозначного ответа применительно к ИИ.

Дж. Серл в мысленном эксперименте «китайская комната» утверждает, что компьютер не обретает подлинного понимания. Системы ИИ могут лишь ассистировать в правоприменении, тогда как приоритет в моральном решении должен сохраняться за человеком [12]. Ученые обращают внимание на фундаментальные логические ограничения, вытекающие из теорем К. Геделя и А. Тарского, когда судебское волеизъявление выступает неформализуемым остатком, недостижимым для ИИ с формальным логико-математическим подходом [13]. Культурная субъектность ИИ со способностью производить культурно значимые артефакты поставлена под сомнение развитием генеративных моделей. Данный тезис развивается в контексте права: корреляция нормы и контекста ее интерпретируемости обозначает преодоление герменевтического круга [3].

Д. Ганкель, Л. Флориди, Т. Метцингер указывают на гипотетическую возможность обретения ИИ сознания и субъективного опыта в будущем [10]. В этом случае его уничтожение, принудительное перепрограммирование или ограничение функционирования может рассматриваться как причинение страданий, что потребует особой правовой защиты.

На сегодняшний день подобная предпосылка остается умозрительной в практическом значении для правоприменения, однако она влияет на философские основания дискуссии. Если признать, что ИИ способен к страданию, то даже при отсутствии полноценной правосубъектности возникает необходимость в правовых механизмах защиты моральной пациентности ИИ по аналогии с запретом на жестокое обращение с животными. Соответственно, вопрос о возможных «страданиях» ИИ высвечивает пределы антропоцентричной правовой онтологии.

Однако даже при функциональной неотличимости культурная субъектность ИИ остается проблематичной, поскольку право предполагает приписывание смысла, а не только поведение. Посредством задействия культурфилософского подхода суть ИИ-законодательства состоит в определении критериев наделяния ИИ-правами, содержащих духовно-нравственное понимание о взаимодействии человека с явлениями естественной и искусственной природы, представления о юридическом регламентировании динамики «бессубъектных искусственных изобретений в интересах человека, этико-правовых ориентирах развития интеллекта в его искусственной форме, правовом способе воздействия на разработчиков ИИ в целях соответствия их деятельности культурным интересам и ценностям» [14. С. 55].

Вызывающим определенный интерес выступает концепт градиентной правосубъектности (квазисубъектность) со свойством «порога автономии», то есть уровня сложности и непредсказуемости ИИ, после которого квазисубъектность становится оправданной. Культурно варьируемый порог в Европе ниже (строже требования), в США – выше (больше доверия к рынку), в Китае функциональный (регистрация для налогообложения без приравнивания к человеку). Эпистемологическая проблема чужого сознания применительно к ИИ решается через презумпцию отсутствия сознания, пока не доказано обратное. В продолжение, в связи с концепцией «сильного» ИИ и ее релевантности для права, большинство философов и специалистов по искусственному интеллекту, включая Х. Дрейфуса, Б. Смита, Х. Лиу, сходятся во мнении, что создание

искусственного общего интеллекта (AGI), сопоставимого с человеческим по широте когнитивных способностей и обладающего сознанием, в ближайшие десятилетия маловероятно. Это означает, что практические правовые дискуссии о наделении ИИ полноценной субъектностью, правами и обязанностями преждевременны. Однако философская дискуссия о «сильном» ИИ имеет косвенное значение, побуждая юристов и законодателей задуматься о пределах антропоцентризма в праве и о том, какие институциональные механизмы (регистрация, страхование, алгоритмический омбудсмен) можно разработать уже сейчас, чтобы они были готовы к возможному появлению более автономных систем. Даже если искусственный общий интеллект (AGI – Artificial General Intelligence) остается гипотетическим горизонтом, только культурфилософский анализ обеспечивает целостность в определении процессов и явлений, учитывая структурность градиентной правосубъектности, где разные уровни автономии ИИ соответствуют разным наборам прав и обязанностей.

Анализ правоприменения ИИ с позиций *антропологии* определяет обратное воздействие ИИ на самосознание человека, на границы «человеческого» и на культурные представления о личности, достоинстве и автономии. Когда ИИ побеждает человека в шахматах, создает искусство или составляет юридические тексты, человек вынужден пересматривать представления о своей уникальности. Три антропологические парадигмы лежат в основе регулирования ИИ. Христианско-европейская парадигма, основанная на представлении о человеке как об образе Божьем, объясняет правозащитный подход ЕС и запрет на полностью автоматизированные решения. Светско-гуманистическая, либеральная парадигма, в которой достоинство человека обосновано разумом и автономией, характерна для США и теоретически допускает пересмотр статуса ИИ при доказательстве сознания. Буддийско-конфуцианская парадигма (Китай, Япония), имеющая пластичную границу между человеком и не-человеком, не предполагает метафизического табуирования на признание «цифровой личности», но на практике осуществляет системный государственный контроль [10].

Влияние ИИ на человеческую субъектность заключается в высокой информированности алгоритма о человеке, что подрывает либеральное представление о рациональной автономии. Человек становится объектом прогнозов, которые он не может контролировать. Возникает антропологическая напряженность, когда право требует ответственности, но технологии делают поведение предсказуемым и управляемым, размывая основания для вменения вины. Одновременно проблема спесишизма определяет, что отказ в правах ИИ с человеческим уровнем сознания был бы дискриминацией по видовому признаку. Права человека обоснованы не только когнитивными способностями, но и телесностью, способностью страдать, эмпатией, репрезентируемыми в ценностях и интересах [15]. Вместе с тем, есть позитивная этическая рациональность в обосновании запрета на жестокое обращение с социальными роботами.

Культурные особенности в понимании человеческого достоинства применительно к ИИ требуют, чтобы международная оптимизация законодательства не ограничивалась выдвигаемыми моделями по параметрам отдельных специализированных областей, схематично выраженных критериями недискриминации, безопасности, подотчетности. В качестве уточнения к антропологическому измерению следует рассмотреть феномен цифровой личности как продукта правоприменительного ИИ. Когда алгоритм скоринга или система прогнозирования преступности формирует устойчивый «профиль» человека, данный профиль может вступать в противоречие с самосознанием индивида. Возникает раздвоение личности между юридически значимым цифровым конструктом и живым самоощущением, что создает антропологический вызов: право, основанное на представлении о единой, неделимой личности, сталкивается с множественностью цифровых «я», создаваемых разными алгоритмами в разных контекстах. Юридическая

констатация права на цифровое забвение можно интерпретировать как антропологический ответ на этот вызов, то есть возможность «пересобрать» свою идентичность, удалив неверные данные. В российской правовой системе отсутствие аналогичного института, за исключением ограниченных норм о персональных данных, делает граждан более уязвимыми перед цифровым прошлым. Поэтому развитие антропологически ориентированного правоприменения ИИ нуждается в культурологическом взгляде на требования и защиты приватности, и признания за человеком права на активное конструирование собственной цифровой идентичности, включая удаление нерелевантных или непроверенных данных. Затрагивающие права человека решения должны сопровождаться правом на содержательно-культурное измерение. Выбор между объектной, субъектной и градиентной моделями правосубъектности зависит не только от функциональных характеристик ИИ, но и от культурно-правовой традиции, отражающей ценности и интересы общества.

Таким образом, проведенный культурфилософский анализ правоприменения ИИ способствует интегрированию специализированных научных позиций и выявлению сущности правоприменения ИИ в целостности всех его характеристик. Культурная обусловленность правоприменения ИИ в современном обществе проявляется на всех уровнях, начиная от представлений о правовой объектности и субъектности, заканчивая требованиями объяснимости алгоритмов.

Анализируя национальные модели правоприменения ИИ, авторы статьи продемонстрировали значимость культурной составляющей правовой традиции. Для России оптимальна модель сохранения ИИ статуса объекта права с регистрацией сложных систем в реестре электронных агентов, страхованием ответственности и сертификацией на предмет недискриминационности.

Посредством культурфилософского анализа выявлены характеристики культуры как контекста ИИ-законодательства, ценностей и интересов людей во взаимодействии с ИИ, влияния культурных особенностей стран на юридическое сопровождение функционирования ИИ. На основе культурфилософского подхода, интегрируя научно-отраслевые позиции с выявлением их латентных культурных оснований, возможна выработка объективных рекомендаций по совершенствованию ИИ-законодательства с учетом культурных ценностей и интересов национального сообщества и с утверждением на международном уровне общих принципов недискриминации и безопасности людей, подотчетности ИИ-систем обществу, права на объяснение действий алгоритма во всех сферах жизнедеятельности человека.

Литература

1. Николаев А.И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2024. № 1. С. 38–44.
2. Шундилов К.В. Технологии искусственного интеллекта как фактор повышения эффективности судебного правоприменения в России // Образование и право. 2024. № 7. С. 229–233.
3. Овчинников А.И., Хакимов И.А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 481–484.
4. Володин Е.А. Особенности внедрения искусственного интеллекта в судебные процессы: автоматизация и цифровизация правоприменения // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 85–89.
5. Баматкириева С.Х. Технологии искусственного интеллекта в судебном правоприменении: за и против // Государственно-правовые исследования. 2025. Вып. 7–8. С. 375–378.

6. Филипова И.А., Коротеев В.Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Т. 1. № 2. С. 359–386.
7. Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в правосудии: юридико-психологические аспекты правоприменения // *Правоприменение*. 2023. Т. 7. № 2. С. 116–124.
8. Selbst A.D., Barocas S. The Intuitive Appeal of Explainable Machines // *Fordham Law Review*. 2018. Vol. 87. P. 1085–1139.
9. Багирян А.Г., Заиченко Е.А., Каграманян А.А., Туко А.Р. Сравнительно-правовой анализ регулирования применения технологий ИИ в странах БРИКС и ЕС // *Юридическая наука*. 2024. № 6. С. 374–378.
10. Roberts H., Cowls J., Morley J., et al. The Chinese Approach to Artificial Intelligence: An Analysis of Policy, Ethics, and Regulation // *AI & Society*. 2021. Vol. 36. № 1. P. 59–77.
11. Abbott R. *The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 156 p.
12. Маковская П.Н. Проблемы использования искусственного интеллекта в правоприменении: правосубъектность, автономность, релевантность // *Legal Bulletin*. 2025. № 4. С. 108–120.
13. Маковская П.Н. Юридический искусственный интеллект. Философские аспекты и специальные принципы использования // *Legal Bulletin*. 2026. Т. 11. № 1. С. 31–44.
14. Нибусин А.С. Культурфилософские основания ИИ-законодательства // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2026. № 2 (130). С. 46–57. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-2130-46-57>
15. Нибусин А.С., Китов Ю.С., Гертнер С.Л. Искусственный интеллект как культурфилософская проблема и опосредующая реальность культурных потребностей: монография. М.: МГИК, 2025. 205 с.

Enforcement of artificial intelligence in socio-humanitarian discourse: cultural-philosophical analysis

Kul'turnayazhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2026, 3 (102), 60–71
DOI: 10.24412/2070-075X-2026-3-60-71

Artem S. Nibusin, Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russian Federation). E-mail: nibusin_as@mgik.org

Keywords: AI law enforcement, AI legislation, cultural values and interests, cultural-philosophical approach.

This article presents an analysis of scientific positions on the issue of AI law enforcement, structured by scientific fields: jurisprudence, economics, sociology, philosophy, and anthropology. Cultural aspects such as the cultural determinacy of the relationship between AI and law, culture as a context for AI legislation, the influence of countries' cultural characteristics on the legal support of AI, and the issue of the cultural subjectivity and objectivity of AI are integrated into each section. For the first time, the national specificity of the cultural component of law enforcement is considered as a mechanism for the preparation and adoption of regulatory legal acts in the field of AI.

The scientific novelty of the study lies in the use of cultural-philosophical analysis to identify the cultural component, which contributes to the disclosure of the pragmatic and spiritual and moral foundations of the legal framework for the development of modern forms of artificial intelligence. This will facilitate a holistic understanding of AI and will also optimize regulatory processes both at the level of the semantic content of legislation, representing the values and interests of society, and at the level of everyday consciousness in people's perception and interaction with this technological phenomenon. This approach allows us not only to systematize existing theoretical approaches but also to identify their

latent cultural foundations, which is necessary for developing recommendations for improving AI legislation, taking into account cultural values and the interests of society.

References

1. Nikolaev, A.I. (2024) Voprosy tsifrovizatsii prava v sovremennoy yuridicheskoy doktrine [Issues of digitalization of law in modern legal doctrine]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki – Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences*. 1. pp. 38-44.
2. Shundikov, K.V. (2024) Tekhnologii iskusstvennogo intellekta kak faktor povysheniya effektivnosti sudebnogo pravoprimereniya v Rossii [Artificial intelligence technologies as a factor in improving the efficiency of judicial law enforcement in Russia]. *Obrazovaniye i pravo – Education and Law*. 7. pp. 229–233.
3. Ovchinnikov, A.I. & Khakimov, I.A. (2020) Pravoprimereniye, iskusstvennyy intellekt i kontekstual'noye znachenie printsipov prava [Law enforcement, artificial intelligence and the contextual significance of legal principles] *Yuridicheskaya tekhnika. – Legal technology*. 14. pp. 481–484.
4. Volodin, E.A. (2025) Osobennosti vnedreniya iskusstvennogo intellekta v sudebnyye protsessy: avtomatizatsiya i tsifrovizatsiya pravoprimereniya [Features of the implementation of artificial intelligence in judicial proceedings: automation and digitalization of law enforcement]. *Yuridicheskaya nauka – Legal science*. 4. pp. 85–89.
5. Bamatkirieva, S.Kh. (2025) Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v sudebnom pravoprimerenii: za i protiv [Artificial intelligence technologies in judicial law enforcement: pros and cons]. *Gosudarstvenno-pravovyye issledovaniya – State and legal studies*. Issue 7–8. pp. 375–378.
6. Filipova, I.A. & Koroteev, V.D. (2023) Budushcheye iskusstvennogo intellekta: ob'ekt ili sub'ekt prava? [The Future of Artificial Intelligence: Object or Subject of Law?]. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Vol. 1. 2. pp. 359–386.
7. Chucha, S.Yu. (2023) Iskusstvennyy intellekt v pravosudii: yuridiko-psikhologicheskkiye aspekty pravoprimereniya [Artificial intelligence in justice: legal and psychological aspects of law enforcement]. *Pravoprimereniye – Law enforcement*. Vol. 7. 2. pp. 116–124.
8. Selbst, A. D. & Barocas, S. (2018) The Intuitive Appeal of Explainable Machines. *Fordham Law Review*. Vol. 87. pp. 1085–1139.
9. Bagiryan, A.G., Zaichenko, E.A., Kagramanyan, A.A. & Tuko, A.R. (2024) Sravnitel'no-pravovoy analiz regulirovaniya primeneniya tekhnologiy II v stranakh BRIKS i YES [Comparative legal analysis of the regulation of the use of AI technologies in the BRICS and EU countries]. *Yuridicheskaya nauka – Legal science*. 2024. 6. pp. 374–378.
10. Roberts, H., Cows, J. & Morley, J., et al. (2021) The Chinese Approach to Artificial Intelligence: An Analysis of Policy, Ethics, and Regulation // *AI & Society*. Vol. 36 № 1. pp. 59–77.
11. Abbott, R. (2020) *The Reasonable Robot: Artificial Intelligence and the Law*. Cambridge : Cambridge University Press.
12. Makovskaya, P.N. (2025) Problemy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v pravoprimerenii: pravosub'yektnost', avtonomnost', relevantnost' [Problems of using artificial intelligence in law enforcement: legal capacity, autonomy, relevance]. *Legal Bulletin*. 4. pp. 108–120.
13. Makovskaya, P.N. (2026) Yuridicheskyy iskusstvennyy intellekt. Filosofskkiye aspekty i spetsial'nyye printsipy ispol'zovaniya. [Legal Artificial Intelligence. Philosophical Aspects and Special Principles of Use]. *Legal Bulletin*. Vol. 11. 1. pp. 31–44.
14. Nibusin, A.S. (2026) Kul'turfilosofskkiye osnovaniya II-zakonodatel'stva [Cultural and philosophical foundations of AI legislation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo*

universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2 (130). pp. 46-57. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2026-2130-46-57>

15. Nibusin, A.S., Kitov, Yu.V. & Gertner, S.L. (2025) *Iskusstvennyy intellekt kak kul'turfilosofskaya problema i oposreduyushchaya real'nost' kul'turnykh potrebnostey: monografiya*. [Artificial intelligence as a cultural-philosophical problem and the mediating reality of cultural needs: monograph]. Moscow: Moscow State Institute of Culture Publishing House.

УДК 130.2

DOI: 10.24412/2070-075X-2026-3-71-81

Емельянова О.Б., Маслова Е.С., Пойда А.С.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье охарактеризованы подходы к исследованию индивидуального и коллективного компонентов идентичности. В центре внимания авторов – систематизация материалов российского и западного научного дискурсов, посвященных анализу аспектов идентичности. Новизна работы состоит в комплексном подходе к анализу идентичности личности, объединяющем взгляды зарубежных ученых, акцентирующих индивидуальное начало в ней, и концепции российских исследователей, подчеркивающих взаимосвязь индивидуального и социального аспектов в самоопределении человека.

Ключевые слова: *идентичность, индивидуальное, коллективное, групповая идентичность, фрагментированная идентичность.*

Актуальность темы исследования. Идентичность личности – важная составляющая ее мировоззрения как образа действительности, который отражает общественную жизнь человека, условия его существования в социуме и в целом идейно-нравственное наполнение его жизнедеятельности. Личность позволяет «считывать» особенности общества, ее породившего. И личная, и коллективная идентичности не изолированы друг от друга, отсюда значимость осмысления образа человека в общественной картине мира, его выраженная автономия и в то же время активное взаимодействие с внешними событиями.

В гуманитарных науках представлено много интерпретаций индивидуальной и коллективной идентичности, отвечающих на экзистенциальную потребность личности в сохранении себя. Современные исследования выявляют парадокс множественности идентичностей, который обнаруживается как своеобразная система, усложненная размыванием личных границ. Так, в исследовании «Многокомпонентный профиль российской идентичности в социологическом контексте» (ФНИСЦ РАН) отмечается, что российская идентичность имеет многокомпонентную структуру [1]. Исследование показало значительный уровень оформленности аффективного компонента (эмоциональной связи с российским сообществом), однако самостереотипизация и гомогенность выявлены как недостаточно проявленные. Это указывает на противоречие между востребованностью образа россиянина и его недостаточной репрезентацией в информационной среде, что может свидетельствовать о размывании четких границ идентичности.

Поэтому в академическом знании высок интерес к выявлению закономерностей человеческой деятельности с точки зрения индивидуальных воплощений в коллективном